
О “политической теологии” в круге Георге*

А. В. МИХАЙЛОВСКИЙ

Предметом рассмотрения в этой работе является один из наиболее ярких феноменов в интеллектуальной истории Германии начала XX в. – так называемый “круг Георге” (George-Kreis), чрезвычайно влиятельное сообщество последователей и учеников, сформировавшееся на рубеже веков вокруг немецкого поэта-постсимволиста Штефана Георге (1868–1933). Я исхожу из того, что *круг Георге являлся не только и не столько поэтическим объединением эпитонов вокруг фигуры Мастера, сколько идеологически интегрированной интеллектуальной группой, включавшей в себя как университетских преподавателей, так и внеакадемических “свободных писателей” и, начиная примерно с 1910 г., претендовавшей на переформатирование политики эстетическими средствами.* О глубоко и всестороннем влиянии круга Георге (прежде всего Карл Вольфскель, Фридрих Вольтерс, Фридрих Гундольф и, конечно, сам Штефан Георге) на формирование интеллектуальной среды эпохи Веймарской республики говорят два факта: 1) что концепты вроде “рейха” (Reich), “союза” (Bund), “государства” (Staat), “тайной Германии” (“das geheime Deutschland”), “господства” и “служения” (Herrschaft und Dienst), “гештальта” (Gestalt), “вождя” (Führer), разработанные внутри круга, прочно вошли в лексикон право-консервативной мысли (т. наз. “консервативной революции”, КР); 2) что произошла “поэтизация” и “мессианизация” понятия политического, нашедшая, в частности, выражение в широко распространенных после Первой мировой войны чаяниях “грядущего рейха”, пришествия харизматического “вождя”, а также в новых способах социальной организации внепарламентской антилиберальной оппозиции Германии 1920–30-х гг.

Следующая гипотеза заключается в том, что в основе новой модели “поэтизации политического” лежит *определенный комплекс представлений (или даже тип мышления), обозначаемый мною как “политическая теология”.* В этом смысле понятия “рейха”, “государства”, “союза”, “господства” и т.д. представляются *не квази-политическими понятиями, но элементами именно политической теологии,* ставящей ключевой вопрос об истине как авторитете и исходящей из различения друг/враг как безусловной необходимости выбора между Богом и сатаной, безоглядной самоотдачей ради высших ценностей и отказом от всякого порядка и иерархии, т.е. секуляризацией современного мира ср.: [Майер 2004, 22].

© Михайловский А.В., 2012 г.

* Исследование осуществлено в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012–2013 гг. Индивидуальный исследовательский проект 11-01-0174 «“Политическая теология” круга Штефана Георге и ее место в интеллектуальной истории Германии первых десятилетий XX в.».

Наконец, я предполагаю, что не правы те, кто однозначно утверждает, будто интеллектуальная деятельность Георге и георгеанцев относится к антимодернистскому направлению. Как я пытался показать в своих исследованиях по политической философии КР¹ большинство “антимодернистских” заявлений и идей в действительности носили амбивалентный характер и могли также рассматриваться как проекты будущего (Visionen der Zukunft). Наиболее адекватным обозначением георгеанской “политической теологии”, равно как и наследующей ей “консервативной революции”, *взятой как целостный феномен*, я считаю определение “реакционного” или “консервативного” модернизма.

Круг Георге и его влияние на праворадикальную мысль Веймарской республики остается малоизученной темой – как в исследовательской литературе за рубежом, где фигуры Георге и некоторых его учеников были в течение долгого времени дискредитированы из-за их предполагаемых симпатий к национал-социалистической идеологии², так и в России, где восприятие творчества Георге изначально несло на себе отпечаток символистского прочтения Вяч. Иванова и В. Брюсова; плодотворная рецепция была прервана советским периодом, а сейчас пока ограничивается изданием русских переводов его стихотворных книг и сборников (В. Летучий).

* * *

В 1910 г. произошло несколько событий, немаловажных с точки зрения дальнейшей интеллектуальной истории Германии: Норберт фон Хеллинграт опубликовал переводы Пиндара в георгеанском журнале “Листки искусства” (“Blätter für die Kunst”), вышел первый том “Ежегодника духовного движения” (“Jahrbuch für geistige Bewegung”); Фридрих Вольтерс провозгласил лозунг “господство и служение” [Вольтерс 1909], а Карл Вольфскель сформулировал знаменитую впоследствии идею “тайной Германии” [Канторович 1933]. Между 1909 и 1912 гг. круг Георге постепенно начал превращаться из дружески-интимного собрания поэтов в реальную интеллектуальную силу с мощной харизматической идеологией.

Вопреки распространенному взгляду на Штефана Георге как на чистого поэта, присягнувшего на верность принципу *l'art pour l'art*, его можно и нужно рассматривать как *политического автора*³. Правда, с той оговоркой, что он опозитизировал политическое, стремился превратить поэтико-политический проект всей своей жизни в концепцию, конкурировавшую как с левой, так и с правой идеологией, а потому чрезвычайно привлекательную для интимного круга учеников и последователей. В выражении “политический автор” политическое измерение поэзии раскрывается из специфического понимания концепции *автора, авторства и авторитета*. А именно: Георге выступает не просто как автор-производитель текстов, но как автор, претендующий на авторитет. Понятия политического и авторитета, завязанные в одно целое, неизбежно заставляют нас обратиться к сфере “политической теологии” (ПТ).

Современное значение этот термин приобрел благодаря работам германского правоведа Карла Шмитта “Римский католицизм и политическая форма” (1923) и “Политическая теология” (1922) рус. пер.: [Шмитт 2000]. Основной принцип ПТ, сформулированный еще Т. Гоббсом, звучит так: *auctoritas non veritas facit legem* (рус. пер.: “авторитет, а не истина, создает закон”)⁴. Авторитет представляет собой инстанцию, которая гарантирует истину репрезентации как таковой, подтверждает ее и о ней свидетельствует. Например, репрезентация некой идеи/правила, подтвержденная авторитетом, претендует на публичное, т.е. политическое признание и политическую действительность. В целом авторитет обеспечивает достоверность идеи и легитимность властного притязания. В этом смысле закон и сама истина нуждаются в авторитете.

Автор олицетворяет собой пример того, о чем он пишет. Пример нельзя подать исключительно в интеллектуальном плане, поскольку “голой мысли” принципиально нет доверия. Поэтому автор как бы свидетельствует о своем тексте самой своей экзистенцией. Отсюда авторитет реализуется как известная ответственность за то, что репрезентирова-

ет авторитет [см.: Травни 2010, 20]. Так, Ф. Гундольф в книге “Штефан Георге и его время” пронзительно заметил об авторитете Мастера: “Важной частью его образа является то, что он пробуждает у других *веру*” [Гундольф 1918, 12–13].

Этот авторитет в смысле ПТ тесно связан с национал-педагогической идеей в круге Георге, равно как и с мифологизацией истории и “видением будущего”. Национал-педагогическая программа Георге, получившая выражение в книгах стихов “Звезда союза” (1914) и “Новый рейх” (1928), образ классика в исследовании М. Коммереля “Поэт как вождь в немецкой классике” (1928), фигура средневекового императора Фридриха II, идеализированная Э. Канторовичем, книги Ф. Гундольфа “Цезарь” (1924) и “Шекспир” (1928) вполне встраиваются в модель ПТ и не могут быть сведены к банальным проявлениям немецкого национализма в интеллектуальной сфере.

Высокая степень влияния Георге и его учеников объясняется высокой эффективностью владения основным средством воздействия – *языком*, а именно: распространением специфического словаря, определенных образов и фигур, связанных с социально-политическими ценностями. Последние встречаются не только в книгах стихов самого Георге, но и в сочинениях его учеников, которые преподавали в университетах, а значит, могли использовать академические ресурсы.

Я сформулирую несколько основополагающих, на мой взгляд, пунктов ПТ Георге, которые развивались в кругу друзей и последователей Мастера. 1) *Идея ордена избранных* (в форме “союза”, платоновского “государства”, “рейха” или “тайной Германии”); 2) *фигура или “гештальт” поэта (пробраз: Гёльдерлин) как вождя и воспитателя*; 3) *притязание на тотальное господство*, выраженное в гордом имперском жесте и мечте о рейхе.

Политические идеи, разработанные внутри круга Георге, обрели – при всей своей гетерогенности и внутренней противоречивости – существенное духовно-историческое (интеллектуальное) влияние на КР. Новые представления о задачах государства, элитарные или иерархические модели общества. *Харизматичный, интегрированный круг Георге стал настоящей лабораторией интеллектуальной истории на рубеже столетий.*

ПТ в круге Георге с тремя ее существенными признаками сконцентрирована вокруг авторитетной/авторитарной фигуры автора, который полностью репрезентирует собой идею⁵. Идея ордена избранных – это политико-теологическая точка пересечения между авторитетом и репрезентацией, общее символическое место многих мыслителей и писателей эпохи меж двух мировых войн, которые мечтали реализовать кульгово-элитарную общность в форме союза или платоновского государства [Фридеманн 1914], где на месте философа-архонта выступал бы поэт-властитель или поэт-пророк⁶.

Поэт в качестве поэта-пророка (*poeta vates*) руководствуется высшей миссией и свидетельствует о ней своим уникальным поэтическим “языком”. Тем самым автор, как бы следуя руководящим линиям ПТ, неизбежно осуществляет эстетизацию или поэтизацию политического. Необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет не о трансформации политических представлений и форм сознания в чисто эстетические качества, а о прямо противоположном процессе: отправной точкой для эстетического понимания политики [Бройер 1995] в смысле ПТ служит как раз авторитет поэта и инициированное им “духовное движение”. Следствием этого процесса является примечательное смещение семантики понятий.

Ш. Георге “переформатировал” историко-политический словарь. Его “трюк” заключался в том, чтобы обрести максимальное влияние на современность, прежде дистанцировавшись от нее на максимальное расстояние. Осуществлению этого замысла должно было помочь программное понятие “рейха”, равно как и усвоенное приверженцами Георге платоническое учение о двух мирах. И то и другое указывает на успешную “спиритуализацию” политики, в основе которой лежит перетолкование понятий (“*dies ist Reich des Geistes*”!).

Подобно тому, как Георге извлекал понятия из реально-политического дискурса и *ретроспективно* превращал их в образы, гештальты, мифы, он параллельно осво-

бождал их от связи с настоящим и *проспективно* относил их осуществление в неопределенное будущее, о котором можно только пророчествовать. Рейх, о котором говорит Георг, – это никоим образом не современный рейх, а будущий рейх (близкий к фигуре “грядущего Бога” Гёльдерлина). Этот трюк можно было бы назвать “мессианизацией политики”. «Вот то место, – пишет германский исследователь У. Раульф, – где наряду с платонизацией политики в игру вступает миф рейха. Он перескакивает через нелюбимую действительность в темпоральном смысле и делает короткое замыкание между измерениями прошлого и будущего: воспоминание о мифе рейха становится шифром обетования. В рамках этой эсхатологии “государство” проецируется в неопределенное будущее» [Раульф 2009, 186].

Свою роль здесь играет и проект “духовных книг” (“*Geistbücher*”). Переносу Георганского “послания” в плоскость риторики во многом содействовали сочинения членов круга, прежде всего, Гундольфа и Вольтерса. Они “наводили мосты” между поэтической политикой Георга и представлениями современников, а также обеспечили влияние ПТ Георга на немецкую интеллектуальную историю первых десятилетий XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бройер 1995 – *Breuer S.* Ästhetischer Fundamentalismus. Darmstadt, 1995.
Вольтерс 1909 – *Wolters F.* Herrschaft und Dienst. Berlin, 1909.
Георг 1928 – *George S.* Das Neue Reich. Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 9. Berlin, 1928.
Георг 1934 – *George S.* Der Stern des Bundes. Gesamt-Ausgabe der Werke, Bd. 8. Berlin, 1934.
Георг 2009 – *Георге Стефан.* Седьмое кольцо. Избранные книги / Пер. с нем. В. Летучего. М.: Водолей, 2009.
Гундольф 1918 – *Gundolf F.* Stefan George in unserer Zeit. 3. Aufl. Heidelberg, 1918.
Ежегодник 1910 – *Jahrbuch für die geistige Bewegung*, I, 1910.
Канторович 1933 – *Kantorowicz E.* Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei der Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933. In: Robert L. Benson, Johannes Fried (Hg.): Ernst Kantorowicz. Erträge der Doppeltagung Princeton/Frankfurt. Stuttgart, 1997. S. 77–93.
Карлауф 2007 – *Karlauf Th.* Stefan George. Die Entdeckung des Charisma. München, 2007.
Коммерель 1928 – *Kommerell M.* Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Berlin, 1928.
Ландфрид 1975 – *Landfried K.* Stefan George – Politik des Unpolitischen. Heidelberg, 1975.
Майер 2004 – *Meier H.* Die Lehre Carl Schmitts. Vier Kapitel zur Unterscheidung politischer Theologie und politischer Philosophie, 2. Aufl. Stuttgart/Weimar, 2004.
Маяцкий 2012 – *Маяцкий М.* Спор о Платоне. Круг Штефана Георга и немецкий университет. М.: ИД ВШЭ, 2012.
Михайловский 2008 – *Михайловский А.В.* Консервативная революция: апология господства // Концепт “Революция” в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 264–283.
Михайловский 2010 – *Михайловский А.В.* Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у “стены времени” // История философии. №15. М.: ИФРАН, 2010. С. 57–82.
Раульф 2009 – *Raulff U.* Kreis ohne Meister. Stefan Georges Nachleben. München, 2009.
Травни 2010 – *Trawny P.* Die Autorität des Zeugen. Ernst Jüngers Politisches Werk. Berlin, 2010.
Фридемманн 1914 – *Friedemann H.* Platon. Seine Gestalt. Leipzig, 1914.
Хеллинграт 1921 – *Hellingrath N. von.* Hölderlin. Zwei Vorträge. Hölderlin und die Deutschen, Hölderlins Wahnsinn. München, 1921.
Шмитт 2000 – *Шмитт К.* Политическая теология; Римский католицизм и политическая форма; Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / *Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Примечания

¹ См., напр.: [Михайловский 2008, 264–283], [Михайловский 2010, 57–82].

² В последнее время дело, кажется, сошло с мертвой точки. Например, в Германии вышли два блестящих исследования [Карлауф 2007], [Раульф 2009], рассматривающие круг Георга в контексте интеллектуальной истории.

³ Этот тезис предполагает иное понимание политического. К. Ландфрид, с одной стороны, прав, когда называет Георге “неполитическим” автором [Ландфрид 1975]. Действительно, он не имеет ничего общего с “реальной политикой”. Но с другой стороны, либерально-демократически ангажированный исследователь упускает из виду иное измерение, связанное с авторитетным/авторитарным притязанием на воспитание и руководство. Таким образом, ключевой для германской праворадикальной мысли первых десятилетий XX в. вопрос об авторитете и господстве может быть поставлен при условии разграничения *политики* как парламентской борьбы и легальных процедур принятия решений и *политического* как особой экзистенциальной сферы.

⁴ Подробнее о различии “политической философии” и “политической теологии” см.: [Майер 2004].

⁵ Георге (как и более поздние консервативно-революционные авторы вроде Э. Юнгера или М. Хайдеггера) может быть с полным правом назван представителем поэтического жизненного проекта, в котором две традиционные черты немецкой духовности, “Dichten und Denken”, являют собой не “научную” или “частную” деятельность, а понимаются как экзистенциальный проект с определенным истинностным содержанием.

⁶ Рецепция Платона в круге Георге стала предметом недавно опубликованного на русском языке исследования М. Маяцкого [Маяцкий 2012].